

“Я БОЯЛСЯ ДАЖЕ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА”

— У меня много сомнений, я считаю, что наша затея не ко времени. (Ну, на тебе! — К.П.) Кругом все плохо, у меня тоже не очень благополучно. Вы вот спрашиваете, писала ли дочка мой портрет (его дочь Наташа — художница. — К.П.), а она сейчас, может, в таком положении, что не имела бы средств к существованию, если б не я. И о жене не надо. Это пожилой человек, а вы задаете вопросы. Я ведь комедийный актер, все это знают и ждут, что я буду их развлекать.

— Но вы не только комедийный...

— Но меня принимают все-таки за человека с юмором. То, что я иногда выхожу на сцену на пять минут, — это еще можно для 400 человек. А выступать в печати актеру, который хохмит и якобы считает, что вокруг все хорошо, — это бестактно. Потому что большее число ваших читателей не в благополучном состоянии.

— Вот и нужно их поддерживать...

— Не-ет. Поддерживать — значит, взять и разрушить все их иллюзии. Зачем? Это не мой профиль. У людей определенное отношение ко мне, все время я за здоровье и вдруг начну за упокой. Это если писать правду. И врач мне, кстати, сказал, когда я делал ЭКГ, — “волновать вам себя сейчас нельзя”. Если б я был такой — недумающий, пожалуйста, взял, наврал бы. Вот Моргунов — он не совсем думающий, он хохмач. Написал глупость, а потом сам не рад. А я нервный, мне это будет мешать жить. Это не вызывает у меня положительных эмоций.

— А что вызывает у вас положительные эмоции?

— Не давать интервью. И не вылезать на общественное обсуждение на старости лет. У меня это с детства, я прятался всегда. Я же не давал ни одного серьезного интервью. Это вранье — все, что я давал. Человек врет, как и положено ему от природы в таких делах. Он не врет только сам себе. Вот Никулин рассказывает анекдоты в клубе “Белый попугай”, может, это его отвлекает, ну и хорошо. А если копнуть — у него много всяких несчастных дел, горестных.

— Зато я, например, смотрю, и у меня всегда настроение повышается.

— Это у него ностальгия по актерскому делу. Я его понимаю. Он стал чиновником — это убийственно. Слава богу, у него есть способности. Если б мне сказали — хотя бы директором цирка, уж не говорю президентом, — я б немедленно или убежал куда-нибудь, или покончил с собой. А он терпит. Но недолго: потянуло его посмешишь народ. К своей профессии потянуло.

— А вас разве не тянет? — Я и не бросал ее. Я-то этим занимаюсь, и меня это устраивает. Главное не перебарщивать. Вон Леонов переборщил, как я его ни предупреждал. Я ж его хорошо знал с детства. Говорю — как ты себя нагружаешь при такой комплекции, при такой шее, при таком стремлении поест. А он — да, да! мне и жена говорит об этом. Я ему — конечно, она ж понимает, что кормилица может потерять. Но он не послушался.

— Почему же вы всегда прячетесь? Это что — жизненная философия такая?

— Это не философия, это потребность организма. С рождения. Я рос очень застенчивым ребенком.

— Как же такой человек — и вдруг пошел в актеры?

— А это — лечение. Средство избавиться от комплекса. Я инстинктивно почувствовал, что надо научиться выступать. Пошел в четвертом классе в театральную кружок. Кстати, очень хорошее лечебное средство, об этом даже психолог Владимир Леви писал. Я с ним знаком, он так лечит заик, людей со всякими комплексами — устраивает дома театр, распределяет роли, и они импровизируют.

— То есть вы все-таки пытались измениться?

— Я не думал об этом. А со временем понял, что когда выступаешь под кого-то, то делаешься другим. Первые мои роли даже некоторых удивляли в театре (я молодой был, лет 18, а уже Островского играл). Меня спрашивали: почему вы играете чужим голосом? А я своего голоса боялся.

— А как начиналась ваша актерская карьера?

— Я закончил училище второго МХАТа. Слышали про такой? Но как-то раз в Москву приехал Постышев. Он якобы сказал Сталину: “Чтой-то у вас в Москве целых два МХАТа, а у нас на Украине — ни одного?” Сталин взял да и подарил ему наш театр. Труппу поставили перед выбором: или в кратчайшие сроки собрать вещишки и перебраться на новое место работы в Киев, или театр расформировывается. Ночь мы сидели, думали, курили. И все же решили не уезжать. Так перестал существовать второй МХАТ, а в газете “Правда” появилась торжествующая статья — расформирован театр, созданный неким отщепенцем Михаилом Чеховым, который прививал народу мистику и все такое прочее.

— Говорят, вы страстный любитель книг и всюду их покупаете. Какую библиотеку собираете?

— Да, я иногда предпочту купить хорошую книжку, чем кусок колбасы. Меня не интересуют все эти бес-цель-ные-бест-сел-леры. Я люблю афоризмы, чтоб коротко и чтоб глаза не очень тратить. Вообще я такие книжки читаю, чтобы можно было открыть на любой страничке — и там все умное, все мудрое. Не надо ни начала, ни конца. Не люблю романов, диалогов. За редким исключением. Диалоги есть и у мудрых, античных писателей — Диогенов да Платонов.

— Правда, что вы тексты

Зощенко для своих выступлений “под себя” переписываете?

— Понимаете, Зощенко — замечательный писатель, мой любимый, но он не актер. Он очень ярко писал образы, видел их, наблюдал. Однажды я слышал его в Колонном зале, когда был мальчишкой. А надо сказать, что тогда гремел на рассказах Зощенко Хенкин Владимир Яковлевич — большой комик. И вдруг объявляют, что после Хенкина выступит сам Михал Михалыч. Вышел такой скромный, немножко прихрамывающий человек. Я так по-мальчишески думал — вот это да! вот сейчас смеюх будет! И представляет — тишина. Ни одного хихиканья, как будто я пришел на панихиду.

— У него не получилось читать собственный текст?

— Абсолютно! Он ушел под стук собственных каблуков. Я рас-

— А не курите из принципа?

— Мне очень помогли мои сверстники шестилетние. Это в эпоху нэпа было, по улицам валялись окурки, они их собирали, а потом под лестницей курили. И меня затащили один раз — я был мальчик слабенький. Они говорят — затынись. И я, к своему счастью теперешнему, затынулся. Меня так повело! А будь мне лет 15—16 — получил бы кайф. Я до сих пор удивляюсь, как это люди курят, — у меня рефлекс на всю жизнь. И в то же время могу курить на сцене, если нужно. Вот бы такую провокацию делать специально каждому ребенку. Потому что в первом классе все они уже в туалете курят. Разве было в наше время такое? Никогда в жизни, что вы!

— А почему вы самолетов боитесь?

ЧЕЛОВЕК

Моск. комсомолец. - 1996. - 5 окт. - с.2.

СТРЯСУЩИМСЯ ПОДЖИЛКАМИ

Сопровождался он яростно: “Зачем вы меня АНГАЖИРУЕТЕ! Я щас вспыхну!”

Георгий Вицин известен тем, что пуще огня боится журналистов. Я ему: — Георгий Михайлович, нам просто надо... — Не надо. — Но, может быть, стоит... — Не стоит. — Интересно, — говорю, — рассказываете... — Интересно? Вот и пишите правду. Что, мол, обратилась я к Вицину, а он отказался. А то мы до того договоримся, что я потеряю юмор, который вот уже сколько лет спасает меня от самоубийства. Поэтому я вам и говорю — вы занимаетесь ТРУПОЛОЖЕСТВОМ. Наконец после предварительного зачитывания вопросов он сдался: — Может, только по телефону я еще могу, потому что мне не нужно брюки надевать, бриться. Сейчас ему 78. Около 200 ролей в театре и в кино. Самый неподражаемый киноалкоголик, он не пьет и не курит. Работает в программе “Вокруг смеха”, а в антракте на пару с Евгением Моргуновым фотографируется со зрителями. Я рано радовалась, когда он согласился. Наше телефонное интервью растянулось аж на три разговора.

Георгий ВИЦИН:

“Я никогда не давал серьезных интервью!”

терялся и ничего не понял. Помню только, что он читал СЕРЬЕЗНО, как поэт. Нараспев, на одной интонации, словно молебен. Так Вознесенский первое время читал свои стихи. Поэтому я Зощенко не то чтоб переделываю, я его очень хорошо чувствую. И люблю что-то доигрывать. Например, драка в коммунальной квартире: у Зощенко жиличку зовут Анна Пищалова. А я прекрасно знаю коммунальные квартиры — жил там в течение первых пятидесяти лет. И я поме-нял имя на Джульетту Кобилину — это острее и смешнее. И, главное, из жизни. Однажды мне попалась фамилия Эльвира Оглоблина — нарочно не придумавшая. Я мог и это использовать. Кстати, надо попробовать, по-моему, неплохо.

Я бодренько выговариваю следующий вопрос, и тут случается жестокая несправедливость. Слышу женские голоса “за кадром” и его торопливое:

— Да-да, надо заканчивать, а то уже трясутся у меня эти — поджилки.

Не смею настаивать. Актер устал. Продолжение завтра.

Разговор 2-й

СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

Он приветствует меня добродушно-обреченно: “А, живо-дерка! Здравствуй!”

Я все чаще слышу его, вицинский, тоненький смешок в трубке. И сразу представляю мелко моргающие глазки “под дурачка” и характерный кокетливый жест рукой.

— Как вы, такой пугливый, относитесь к собственной популярности?

— Где-то в подсознании мне, конечно, приятно, но беспокоит и портит нервы. Когда тебя узнают, обращаются: ты, вы, наш, хороший, любимый. Берут и целуют руку. Это утомляет.

— Наверное, выпить предлагают?

— Ну это САМА-САБОЙ. Сразу: “Стой здесь, я щас с бутылкой вернусь”.

— Неужели вы и впрямь никогда не пили?

— Ну почему? Пробовал. Но когда в силу необходимости под Новый год я выпил, как все (ну это и не раз было), то на другой день у меня было очень неважное ПСИ-ХИЧЕСКОЕ состояние. Вот я и думаю: если наутро хочется удавить-ся, лучше пить не надо.

и, кстати, неплохо в нем разбирался.

— Вы умудрились блестяще сыграть двадцатипятилетнего Балзыминова, когда вам было уже...

— Сорок восемь. Это генетическое явление. Я все-таки “травестый” по натуре, как мне кто-то говорил. Я в сорок лет играл десятиклассника в розовской пьесе “В добрый час”.

— Откройте секрет вечной молодости. Расскажите поподробнее, как вы это делали?

— Как-как... Очень убедительно. Я много лет интересуюсь йогой, и там есть одно психологическое упражнение: надо запрограммировать себя на другой возраст. Я так и сделал — настроил себя на молодость. И никто не сомневался, что я десятиклассник и мне семнадцать лет. Есть даже снимки.

Наталья Варлей была?

— Конечно, Варлей. Мы ее щекотали, кто как мог, чтоб она извивалась натурально. Вообще у Гайдая многое построено на актерских находках.

— Какие из них — ваши?

— Когда в этом же фильме за нами на дрезине гнался Шурик, сценку с огурцом я придумал. Я пуляю из рогатки, огурец остается в руках, а рогатка улетает. Или когда мы с Варлей бегаем вокруг камня, у нее падает шарф, и я испуганно шарахаюсь от этого шарфа. Вроде бы мелочь, но почему-то зрители очень хорошо этот момент запомнили. А я просто шел от образа — раз Трус, значит, должен всега бояться, даже шарфика. Но самая моя любимая находка — это “стоять насмерть”. Помните, когда мы втроем, взявшись за руки, дорогу Шурику перегородили? И я бысь в конвульсиях между Моргуновым и Никулиным. Вот мне до сих пор эту сценку напоминают.

— А как вы научились боксировать для фильма “Запасной игрок”?

— Тренировался. Был такой Иванов, боксер в Ленинграде, он с нами занимался — с Кадочниковым и со мной. Однажды даже во время съемки мы немножко разошлись, разбудоражились. Я ему куда-то стукнул, и он мне в ответ стукнул, как следует, в грудь. А у меня потом образовалась трещина в ребре. Но не спереди, куда он бил, а сзади. Оказывается, есть такой физический закон — трескается не то ребро, в которое бьют, а заднее, от давления воздуха.

— И вас со съемок в больницу повезли?

— Не-ет. Просто вафельным полотенцем затащили грудь. И я какой-то период ходил с полотенцем.

— Скажите, когда вас Мордюкова насмерть целовала в “Женитьбе Балзыминова” — дух захватывало?

— Одна у меня мысль была — сделать поинтересней. Уже просматривая материал, понял — когда Нонна оторвалась от меня, мне нужно было рот перекосить. Чтоб он получился открытым и перекошенный, испуганный. А я этого не сделал. Точки не было. Мысль всегда потом приходит, когда все снято. А страшного тут ничего нет. Волнений любовных и эротических никаких. Так что напрасно волнуются жены и мужья, когда в кадре целуются их половины. Мордюкова мне даже говорила: “Разве ты мужик? Не пьешь, не куришь, к женщинам не пристаешь. Ты труп!”

— За что ж это она вас так? Мне рассказывали, что вы у одного известного актера жену увели...

— Это я мог. Если влюблялся — запросто. Мне, когда молодой был, все равно было: жена, не жена. А Нонна так говорила, потому что я к ней интереса не проявлял. Она ведь как любит: чтоб сесть, выпить и у-ух! А я ей: “Я твоего бешеного темперамента и хватки боюсь!” Хотя в душе-то, конечно, разделял ее чувства. У меня и фотография ее сохранилась с надписью: мол, люблю и все такое.

— Эротический фильм “Декамерон” тоже прошел для вас без всяких волнений?

— Там были какие-то фразы при общении с молодой женой — так я использовал текст, который мне говорил попугайчик. Жил у меня такой маленький, но очень разговорчивый. Садился на плечо и говорил: “Ну что, все бегаешь? Пойди поспи”. И хохотал таким разразительным смехом, как ни один актер не делает.

— Это вы его научили?

— Жена с ним разговаривала. Он так здорово говорил, так хорошо. Я ему: ну что ты? А он сразу: а ты что? Я удивлялся: неужели он думает, может, это совпадают? Но, наверное, все же что-то есть, мы чего-то недопонимаем, когда животные разговаривают.

— Сейчас даже собак говорящих по телевизору показывают...

— Наша собака тоже разговаривает. Пес не произносит четко слов, но интонации! Тембром голоса все делает. Я его на улице нашел. Лежал возле теплоцентрали, такой хилый, несчастный, а я мимо проходил. Дай, думаю, угощу сосиской? А потом — чего ж сосиску-то? Надо бы его забрать отсюда.

— Как ваши домашние к этому отнеслись?

— Сначала не понимали, а потом стали общаться — и получать радость. В нем и юмор, и тембры, вдруг меняющиеся: он обычно низко лает, а когда встречает кого-то, начинает так высоко говорить “ви-ви-ви”. Просто помирает от смеха. И понимает все это необыкновенное создание.

— Расскажите, как вы своей жене предложение сделали? (У них, между прочим, золотая свадьба не за горами. — К.П.)

— Нет (он почему-то хихикает) — как раз для этого не время.

Я спохватываюсь.

— Вот про йогу вы с вами еще не поговорили...

— Чего говорить. Это дилетантство. Каждый из йоги берет то, что ему необходимо. Надо просто чувствовать и подходить к этому творчески, а не рабски. Вот я и взял, что мне нужно. Для актера это важно — прежде всего дыхание развивать, ну и гнучесть суставов.

— А вас не утомляет то, что приходится фотографироваться со зрителями в антракте?

— А что тут такого? Это удовольствие для них, и мне приятно. Они с любовью бросаются на меня, обнимают, целуют, вручают цветы. Хотя я и непьющий, но и четвертинку иногда принесут, и коньяк, и другие бутылки.

Жаль, но он больше не называет меня живодеркой. И про поджилки не вспомнил. Мы прощаемся уже не “до завтра”. Наверное, он вздохнет облегченно, когда наконец повесит трубку.

Сейчас ему надо сходить в магазин. На улице незаметного субтильного человечка в сером плаще сложно узнать. Если, конечно, он не улынется вам по-наполеонски шокливым улыбкой и не заблестят знакомым лукавым огоньком глаза...

Ката ПРЯНИК.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.